

Антон Чемакин

«Анонимный центр»

Тайные монархические организации
и правый терроризм на белом Юге России
(1918–1920)

Записки Дмитрия Бологовского

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Рецензенты: д. и. н., профессор А. А. Иванов (СПбГУ),
д. и. н., профессор И. В. Омельянчук (ВлГУ им. А. Г. и Н. Г. Столетовых)

Научный редактор: д. и. н., профессор А. С. Пученков (СПбГУ)

Чемакин А. А.

Ч42 «Анонимный центр»: Тайные монархические организации и правый терроризм на белом Юге России (1918–1920). — М. : Кучково поле Музеон, 2020. — 640 с. ; 64 с. ил.

ISBN 978-5-907174-24-5

Монография кандидата исторических наук А. А. Чемакина (СПбГУ), написанная в жанре исторического расследования, посвящена деятельности «Анонимного центра» и других подпольных монархических организаций на Юге России в годы Гражданской войны. Подробно рассмотрены наиболее громкие террористические акты, совершенные крайне правыми: убийства комиссара Румынского фронта С. Г. Рошаля, председателя Кубанской краевой рады Н. С. Рябовола, начальника контрразведки штаба войск Новороссии Г. А. Кирпичникова, бывшего начальника штаба Вооруженных сил Юга России генерал-лейтенанта И. П. Романовского, покушение на депутата Донского круга П. М. Агеева. Конспиративные кружки, самочинные контрразведки, интриги и конфликты между вождями южнорусского Белого движения — обо всем этом читатель узнает на страницах книги, основанной на материалах двух десятков российских и зарубежных архивов.

Основную часть книги дополняет впервые публикуемый в полном объеме текст «Записок» Д. Б. Бологовского — лидера террористической «команды разведчиков особого назначения» при отряде полковника М. Г. Дроздовского.

Книга предназначена как для специалистов, так и для широкого круга читателей, интересующихся историей России.

УДК 93/94
ББК 63.3(2)612

ISBN 978-5-907174-24-5

© Чемакин А. А., текст, 2020
© ООО «Кучково поле Музеон»,
оригинал-макет, издание, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	8
Глава 1. Историография и источники. Дмитрий Бологовской и его «Записки» ...	11
Глава 2. Бригада Дроздовского и Монархическая организация Румынского фронта	34
Глава 3. «Дон для донцов»	63
Глава 4. «Стенька Разин» из Охранного отделения	74
Глава 5. Покушение на «донского Керенского»	92
Глава 6. «Кто-то кокнул Рябовола за любовные грехи»	102
Глава 7. «Анонимный центр» и партийная система белого Юга	137
Глава 8. «Злой гений» Добровольческой армии	159
Глава 9. Донос полковника Бека	186
Глава 10. Заговор, которого не было	209
Глава 11. «Константинопольская драма»	244
Глава 12. Кто убил генерала Романовского?	287
Глава 13. Катер «Наваль» и его пассажиры	312
Глава 14. «Орден офицеров императорских российских войск»	327
Глава 15. «Темные юристы из подполья»	342
Глава 16. Кто организовал убийство генерала Романовского?	363
Глава 17. «Монархический заговор» на Черноморском флоте	387
Глава 18. «Анонимный центр»: vita post mortem	412
«Она погибла, “белая мечта”...» (Вместо заключения)	447

ЗАПИСКИ ДИМИТРИЯ БОЛОГОВСКОГО

Глава 1. Убийство Рошаля	453
Глава 2. Румыния — Дон	473
Глава 3. В Ростове	524
Глава 4. Второй Кубанский поход	539
Глава 5. Опять в Ростове	561
Глава 6. Убийство председателя Кубанской краевой рады Н. С. Рябовола	568
Глава 7. Конец деникинщины	584

ПРИЛОЖЕНИЕ

Устав Ордена офицеров императорских российских войск	598
--	-----

ПРИМЕЧАНИЯ	602
АРХИВЫ, БИБЛИОТЕКИ И ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ	620
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ	629
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	630

«Анонимный центр»

Тайные монархические организации
и правый терроризм на белом Юге России
(1918–1920)

Пусть вернемся мы седые
От кровавого труда,
Над тобой взойдет, Россия,
Солнце новое тогда!
Марш Дроздовского полка

...Террор прежде всего был необходим не против красных, а против отдельных лиц, считавших себя тоже белыми, но фактически, как это было ясно из всей их деятельности, работавших, вольно или невольно, исключительно для развала <...> белых армий.
Д. Б. Бологовской

Они вышли от нас, но не были наши:
ибо если бы они были наши;
то остались бы с нами;
но они вышли, и через то
открылось, что не все наши.
1-е Иоанна 2:19

Памяти генерал-лейтенанта
Ивана Павловича Романовского
посвящается

ВВЕДЕНИЕ

В феврале 1922 г. матрос Федор Исаакович Баткин, работавший в пропагандистских структурах белых, а позднее завербованный чекистами, сообщил советским властям, что в ближайшее время в Советскую Россию должен нелегально въехать белый террорист Болговский. Цель его — убить народного комиссара по военным делам и председателя Реввоенсовета Льва Давидовича Троцкого. Баткин описал террориста следующим образом: кавалерийский ротмистр, невысокого роста, блондин, правая рука отрезана полностью, но он в совершенстве владеет левой.

Информация заинтересовала руководство ГПУ, и в Болгарию, где находился террорист Болговский, был направлен секретный сотрудник Петр Попов. «И — о чудо! Сразу же ему удается выйти на этого мистического злодея-инвалида — однорукого террориста Болговского, — и тот в пьяном угаре полностью подтверждает баткинские слова. Да, по заданию генерала Кутепова он действительно отправляется в Россию, чтобы ликвидировать Троцкого. Болговский даже — святая простота — рассказывает Попову, что дорога его лежит через Румынию: в городке Яссы <...> некий полковник Коган должен снабдить террориста документами и тайно переправить в Совдепию»¹. Попов тут же на месте завербовал и подослал к Болговскому еще одного агента, который передал ту же самую информацию слово в слово. ГПУ пытается найти и обезвредить предполагаемого террориста, на места идут приказы с требованием принять меры к строжайшему и тщательнейшему контролю всех поездов и узловых станций, сообщаются отличительные черты разыскиваемого лица: «ниже среднего роста, очень худой, скуластый, впалые глаза, шатен, весь бритый, голосистый, отличительная примета — отсутствие правой руки...». В июне 1922 г. Каменец-Подольским политотделом даже был арестован некий инвалид, принятый за Болговского — но, очевидно, это был не тот человек, которого разыскивали. На этом как будто вся история постепенно затухает.

Известный журналист и депутат А. Е. Хинштейн, допущенный к материалам следственного дела Баткина и на основе их опубликовавший историю про террориста Болговского, планирующего убить Троцкого, посчитал ее провокацией хитроумного матроса-перебежчика: «И никто не обратил почему-то внимание на карикатурность, опереточность всей ситуации. Безрукий террорист — это что-то из бульварного романа, вроде походов Ната Пинкертон или русского сыщика Ивана Путилина. Можно только представить, как смеялся про себя Баткин. Смеялся, но вида

не подавал. В который раз спецслужбы клюнули на его удочку, ибо вся история эта — от начала до конца — была выдумана перебежчиком, чтобы влезть в доверие к красным фараонам»¹.

Нам сложно оценить реальность истории с планами покушения на Троцкого, не имея доступа к материалам дела². Возможно, однорукий террорист на самом деле хотел убить одного из советских вождей и имел какой-то план действий, возможно, это была просто пьяная бравада. Но вот насчет «карикатурности» и «опереточности» ситуации Хинштейн иронизирует совершенно зря. Вряд ли Дмитрий Борисович Бологовской (именно таково наиболее часто употребляемое написание его фамилии, хотя вариант «Бологовский» также встречается достаточно часто, в том числе и в официальных документах), который не просто существовал, но и оставил за собой заметный и кровавый след в ходе Гражданской войны, показался бы «карикатурным» и «опереточным» главе Кубанской рады Н. С. Рябоволу, убитому этим самым «одноруким террористом».

Д. Б. Бологовской был одной из ключевых фигур тайных монархических организаций, действовавших на Юге России в 1917–1920 гг. Он убил не только Н. С. Рябовола, но и большевистского комиссара С. Г. Рошаля, а также расстрелял сотни рядовых большевиков, анархистов и иных лиц, подозреваемых в революционной деятельности. Кроме того, Бологовской участвовал в покушении на убийство депутата Донского круга П. М. Агеева, задумывался об убийстве экс-премьера А. Ф. Керенского и одного из лидеров кадетов М. М. Винавера, а также о взрыве сионистского съезда в Ростове-на-Дону. Именно он был связующим звеном между крайне правыми политическими структурами Юга России и офицерами Дроздовской дивизии. Именно

¹ Хинштейн А. Тайны Лубянки С. 122.

² На наш запрос в Центральный архив ФСБ с просьбой ознакомиться с делом Баткина было сообщено следующее: «В ЦА ФСБ России хранится архивное следственное дело № Н-1868 в отношении Баткина Ф. И. Указанное лицо признано не подлежащим реабилитации. Разъясняем, что в соответствии с п. 5 Положения о порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных архивах и архивах государственных органов Российской Федерации, прекращенных уголовных и административных дел в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, а также фильтрационно-проверочных дел, утвержденного приказом Минкультуры России, МВД и ФСБ России от 25 июня 2006 г. № 375/584/352, на обращения граждан по доступу к материалам уголовных и административных дел с отрицательными заключениями о реабилитации проходящих по ним лиц, архивами выдаются справки о результатах пересмотра. <...> В связи с тем, что Болговский не является фигурантом дела № Н-1868, направить справку о результатах пересмотра не представляется возможным» (Ответ на обращение в ЦА ФСБ № 10/А/Ч-2258 от 28.05.2019 // Личный архив автора). Единственное, что было сообщено (к сожалению, без указания на том и лист дела), это характеристика «однорукого террориста», которая несколько отличается от того, что опубликовано в книге Хинштейна: «...кавалерист, ротмистр, невысокого роста, полноватый, блондин, правая рука совершенно отрезана, но великоленно стреляет левой, хорошо владеет украинским...» (ЦА ФСБ. Д. № Н-1868) (Ответ на обращение в ЦА ФСБ № 10/А/Ч-1904 от 17.05.2019 // Личный архив автора). Кстати говоря, полностью доверять этим данным также нельзя, так как из воспоминаний самого героя этой истории следует, что украинского он не знал (если только не успел выучить его за годы Гражданской войны и эмиграции). Кроме того, так и не ясно, был ли разыскиваемый террорист «полноватый» или «очень худой»? Но, так или иначе, в данном случае из-за закрытости ведомственных архивов нам не остается ничего другого, как опираться на научно-популярное издание, подготовленное А. Е. Хинштейном.

¹ Хинштейн А. Тайны Лубянки. М., 2011. С. 120.

с этим человеком связаны многие малоизвестные и неприглядные стороны Гражданской войны, в том числе деятельность так называемого Анонимного центра — крупнейшей тайной монархической организации на территориях, контролируемых Вооруженными силами Юга России (ВСЮР). Мемуары Бологовского помогают нам реконструировать деятельность «правого подполья» и разобраться в обстоятельствах не только тех терактов, которые были осуществлены им непосредственно, но и тех покушений, которые совершили его коллеги по «правому подполью». В первую очередь речь идет об убийствах начальника контрразведки штаба войск Новороссии Г.А. Кирпичникова и бывшего начальника штаба ВСЮР генерала И.П. Романовского.

Конспиративные монархические кружки, всевозможные контрразведки, тайные убийства, интриги и конфликты между вождями южнорусского Белого движения — обо всем этом и пойдет речь в нашей книге. Представляемая на суд читателя работа состоит из двух частей. Первая — это непосредственно исследование (можно даже сказать, расследование) о самом «Анонимном центре» и связанных с ним тайных монархических организациях, действовавших на Юге России в 1918–1920 гг. Во второй части впервые публикуется полный текст одного из интереснейших источников по истории Гражданской войны — «Записок Дмитрия Бологовского».

В современной историографии существует немало монографий, посвященных «белому» и «красному» террору. Наше же исследование, основанное на материалах более чем 20 архивов и 100 наименований периодических изданий, посвящено «белым» террористам, обратившим свое оружие не столько против «красных», сколько против представителей своего же лагеря — которых они, впрочем, «своими» не считали...

* * *

Автор благодарит коллег, друзей и знакомых, деливших источники и литературой, дававших советы, высказывавших замечания: к. и. н. П.Н. Гордеева, д. и. н. А.А. Иванова, д. и. н. И.В. Омельянчука, д. э. н. Т.В. Кальченко, д. и. н. А.С. Пученкова, С.Г. Сенопальникова, д. и. н. В.Ж. Цветкова, Н.П. Янковскую. Отдельную благодарность хотелось бы выразить д. ф.-м. н. Стефану Владимировичу Машкевичу, без любезной и бескорыстной помощи которого некоторые из сюжетов книги вряд ли были бы раскрыты в полной мере. При этом, само собой, всю ответственность за возможные недочеты, ошибки и оценочные суждения несет только автор книги.

Также я хотел бы выразить чувство признательности коллегам по кафедре истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах Института истории СПбГУ, сотрудникам архивов и библиотек, материалы которых использованы при написании монографии, а также моим родителям и родственникам — Александру Анатольевичу, Марине Николаевне, Людмиле Анатольевне, Марии Яковлевне, с детства поддерживающим все мои начинания.

ГЛАВА 1 ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ. ДМИТРИЙ БОЛОГОВСКОЙ И ЕГО «ЗАПИСКИ»

Историография «Анонимного центра» невелика. Даже современники мало что знали об этой конспиративной организации, что, впрочем, выглядит вполне естественно — на то она и тайная. В архиве Антона Ивановича Деникина сохранилась записка полковника В.М. Пронина, очевидно, специально составленная для бывшего главнокомандующего ВСЮР, в эмиграции ставшего историком. Автор записки отождествлял «Анонимный центр» с «Азбукой», тайной информационной и разведывательной организацией известного правого политика В.В. Шульгина: «“Анонимный центр” или, иначе, “Азбука” — глубоко законспирированная антикоммунистическая организация на Юге России. Ее основателем и деятельным руководителем был известный Вас[илий] Вит[альевич] Шульгин. Центр ее был в Киеве, а разветвления по всему Югу России. При ген[ерале] Драгомирове, ведавшем политическим управл[ением] ВСЮР, был для связи, если память мне не изменяет, поруч[ик] или капитан Арзамасов»¹. Стоит ли говорить, что «Анонимный центр» и шульгинская «Азбука» — это две совершенно разные организации, отличавшиеся и по составу, и по целям, и по методам работы, и Деникин понимал это лучше других. Впрочем, забегаая вперед, отметим, что автор записки был прав, связывая генерала от кавалерии А.М. Драгомирова и подпоручика В.И. Арзамасова с деятельностью «Анонимного центра». Деникин, имевший об «Анонимном центре» самое смутное представление, в своих «Очерках русской смуты» ограничился лишь общими словами:

Крайние правые партии группировались, главным образом, вокруг «Русского собрания» в Ростове («Всеросс[ийский] монарх[ический] центр», «Военно-монархич[еский] союз», осколки «Союза русск[ого] народа», «Нац[ионал]-либ[еральная] партия» и друг[ие]), имея в своих рядах проф[ессора] Озерова, Замысловского, Образцова, Лутковского, Всеволожского, ген[ерала] Комиссарова и друг[их]. В период атаманства ген[ерала] Краснова «Русское собрание» действовало открыто, обладало большими средствами и поддержкой со стороны власти; при ген[ерале] Богаевском оно работало конспиративно и добывало средства доходами от азартной игры в клубах. Идеология его известна, отношение к нашей правительственной политике было сугубо отрицательным, а сфера действий — преимущественно военная (офицерская) среда. В стороне, но в тесной связи

¹ BAR. Anton & Kseniia Denikin Collection. Box 21. Записка В.М. Пронина об «Анонимном центре».

с Собранием стояла строго конспиративная организация, пока недостаточно освещенная, — «Анонимный центр». Ячейки его были якобы во всех войсковых частях, и в числе прямых или духовных закулисных руководителей называли некоторых старших генералов¹.

Кроме того, Деникин уделил некоторое внимание событию, также известному как «заговор «Анонимного центра»». Он посчитал, что собственно заговора не было, но имела место интрига, «питавшаяся из казенного сундука»^{II}. Упоминания об этом «заговоре», правда, без привязки к «Анонимному центру», можно встретить в вышедших в 1920-е гг. воспоминаниях профессора К.Н. Соколова^{III} и генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля^{IV}. Эмигрантская историография, по большому счету, деятельность «Анонимного центра» проигнорировала, то же самое можно сказать и о зарубежных историках, писавших о Гражданской войне в России.

И в советской историографии, возможно, не было бы сказано об «Анонимном центре» ни единого слова, если бы не публикация в начале 1960-х гг. отрывков из воспоминаний одного из руководителей Отдела пропаганды полковника Б.А. Энгельгардта:

Крайне правые политические организации, открыто ратовавшие за монархию, относились к Добрармии как временному неизбежному злу и подчас не только не скрывали своего отрицательного отношения к вождям белых, но даже угрожали им кровавой расправой. Большого влияния в широких кругах беженцев^V эти организации не имели, но они иногда проявляли активность, не столько против большевиков на фронте, как в тылу против неугодных им деятелей других антибольшевистских партий. Таковым был так называемый Анонимный центр. Вся его деятельность была полностью засекречена. Члены Анонимного центра инспирировались проповедью явных организаций, как то: Русского собрания, во главе которого стояли бывший член Государственной думы, один из лидеров крайне правых Замысловский, профессор Озеров и другие^{VI}.

В книге советского историка Г.З. Иоффе, сославшегося именно на Энгельгардта, «Анонимный центр» был охарактеризован как «черносотенно-монархическая организация». Кроме того, со ссылкой на «Очерки русской смуты» он упомянул письмо «черносотенца» Варламова генералу А.С. Лукомскому, правда, без указания на то, что Варламов был одним из лидеров «Анонимного центра» (впрочем, и в книге Деникина таковых упоминаний также не было)^{VII}.

Настоящим прорывом в изучении темы стала статья историка В.Г. Бортневского «Белая разведка и контрразведка на Юге России во время Гражданской войны»,

^I Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 5. Вооруженные силы Юга России. Берлин, 1926. С. 157.

^{II} Там же. С. 273.

^{III} Соколов К.Н. Правление генерала Деникина (Из воспоминаний). София, 1921. С. 221–223.

^{IV} Врангель П.Н. Записки (Ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.) // Белое дело. Летопись белой борьбы. Т. V. Берлин, 1928. С. 274–275.

^V Имеются в виду люди, бежавшие на Юг России от большевиков.

^{VI} Энгельгардт Б. Потонувший мир. Деникинщина // Военно-исторический журнал. 1964. № 9. С. 79.

^{VII} Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977. С. 239.

опубликованная в 1995 г. в журнале «Отечественная история». Статья эта оказалась настолько важной для изучения «Анонимного центра», что имеет смысл привести полностью ту ее часть, которая посвящена непосредственно «монархическому заговору»:

Материалы о заговоре так называемого Анонимного центра хранятся в коллекциях генерала А.И. Деникина и полковника В.М. Бека в Бахметьевском архиве Колумбийского университета. Заговор имел целью сместить Главнокомандующего и некоторых его приближенных. Особо ценные сведения содержатся в деле, подготовленном Л.А. Зубелевичем, начальником гражданской части Государственной стражи: протоколы допросов, конфискованные письма-шифровки, дневники, докладные записки.

В конце ноября 1919 г. был арестован 23-летний штабс-капитан А.А. Пацановский, заведующий бюро секретной информации Освага¹. Проведенный в его кабинете обыск принес фантастические результаты, вызвав новые аресты, новые обыски и допросы. Постепенно стала вырисовываться страшная картина тайного заговора в самом сердце Главного командования...

Анатолий Пацановский ранее служил в Информационном бюро при председателе Особого совещания генерале от кавалерии А.М. Драгомирове. В декабре 1918 г. он был откомандирован из Екатеринодара в Крым и получил назначение в контрразведывательный отдел Штаба командующего Крымско-Азовской Добровольческой армии. Там он служил под непосредственным руководством хорошо известного в дореволюционной русской военной разведке человека — генерала Н.С. Батюшина, носившего в то время псевдоним «Петров».

В апреле 1919 г., когда красные захватили Крым, Пацановский вернулся в Екатеринодар и занял только что учрежденную должность заведующего бюро секретной информации Освага (Отдела пропаганды Особого совещания). Власть и влияние тылового штабс-капитана росла поистине невероятными темпами, особенно после того, как полковник В.М. Бек, начальник информационной службы Освага, чуть было не умер от таинственного отравления и на протяжении 4 месяцев не мог исполнять свои обязанности... Пацановский полностью игнорировал Ю.А. Шумахера, временно замещавшего В.М. Бека, и делал доклады непосредственно не только начальнику Освага К.Н. Соколову, но и генералу А.С. Лукомскому, исполнявшему обязанности Председателя Особого совещания. Когда полковник Бек вернулся на службу, он был не в силах восстановить необходимую субординацию. После нескольких острых столкновений Пацановский объяснил Беку, что является ближайшим сотрудником генерала Лукомского, а бюро секретной информации на самом деле ведет работу по подготовке монархического заговора против генерала Деникина и его начальника штаба генерала Романовского. Непосредственным начальником Пацановского был генерал Батюшин, находившийся с весны 1919 г. в отставке. Батюшин был одним из главных руководителей «Анонимного центра» — тайной организации, имеющей Совет и местные филиалы. Легальной политической базой «Анонимного центра» был монархический Союз русских национальных общин, который пытался оказывать влияние на членов Особого совещания и Главное командование. Ставилась задача заменить генерала Романовского генералом Лукомским в качестве начальника штаба и даже, в случае необходимости, сместить самого Деникина. Генерал Батю-

¹ Отдела пропаганды или, как его прежде называли, Осведомительного агентства.

шин должен был получить портфель министра внутренних дел будущего правительства. Предполагалось использовать помощь Германии в восстановлении монархии в России.

Пытаясь привлечь полковника Бека к своей деятельности, штабс-капитан Пацановский назвал имена некоторых лиц, разделявших планы «Анонимного центра» и занимавших в то время ключевые посты во ВСЮР. Среди них: генералы А.М. Драгомиров, А.П. Кутепов, Н.С. Тимановский, В.З. Май-Маевский, П.Н. Врангель, Я.Д. Юзефович, Я.А. Слещев, адмиралы Д.В. Ненюков и А. Д. Бубнов, начальник Освага К.Н. Соколов, председатель Судебно-следственной комиссии при Главнокомандующем генерал М.Л. Салатко-Петрище, начальник разведывательного отделения штаба ВСЮР полковник С.Н. Ряснянский, начальник контрразведывательного отделения Военного управления при Главнокомандующем статский советник В.Г. Орлов. Самому же полковнику Беку в случае присоединения к заговору предназначалась должность министра пропаганды.

В. М. Бек никак не ответил на столь почетное предложение, в результате он был освобожден от занимаемой должности, получил символическое назначение в ничего не решавший Совет Отдела пропаганды и попал под постоянную слежку. Он несколько раз пытался представить секретный доклад о заговоре и генералу Романовскому, и полковнику Ковалевскому, начальнику Особой части Штаба ВСЮР. Но его не хотели принимать, несмотря даже на помощь чинов со стороны французской военной миссии, — столь высока была репутация заговорщиков и столь обширны были их личные связи... Однако в «Анонимном центре» произошел раскол. 13 ноября 1919 г. вел[икий] кн[язь] Николай Николаевич предложил всем «заговорщикам» подчиниться генералу Деникину. Информация об этом сразу же стала известна.

Расследование, проводимое Л.А. Зубелевичем, принесло множество доказательств подготовки заговора, особенно участия в нем чинов Освага и Штаба Главнокомандующего. Последовали отстранения от должностей, увольнения от службы, даже аресты. Никто, однако, не был отдан под суд... Пресса хранила молчание. Расследование не коснулось лиц, находившихся на фронте. По всей очевидности, генерал Деникин понимал, что громкие процессы в условиях поражений и отступления только повредят армии. В противном случае пришлось бы при отсутствии квалифицированного резерва отстранить способнейших военачальников. Так или иначе, а Главнокомандующий, по сути дела, не предпринял никаких решительных действий против правой оппозиции. Очень скоро он окажется перед угрозой нового заговора и после катастрофической новороссийской эвакуации вынужден будет уйти в отставку...

Автор не располагает достаточными источниками, чтобы судить, какую поддержку в армии имел заговор «Анонимного центра». Как вспоминал в эмиграции генерал Салатко-Петрище, главную роль во всем деле играл конфликт между Лукомским и Романовским, который был подвержен влиянию члена Особого совещания кадета Н.И. Астрова. Вполне вероятно, что отнюдь не все лица, упомянутые Пацановским при «вербовке» им Бека, в действительности являлись активными и сознательными заговорщиками. Так, например, трудно представить участие генерала Врангеля в каком-либо «заговоре» против Главнокомандующего — независимо от его сложных личных отношений и крупных разногласий по военно-стратегическим вопросам с генералом Деникиным...

Тем не менее заговор «Анонимного центра» является несомненным свидетельством того, что разведывательные и контрразведывательные органы Штаба Главнокомандующего и состоявшего при нем Особого совещания вместо координации своей деятельности против общего врага были вовлечены в конфликты и заговоры. И это в полной

мере отвечало интересам большевиков, сепаратистов, националистов и всех, кто противостоял Белому движению во время Гражданской войны¹.

Такова, можно сказать, «каноническая» версия истории о заговоре «Анонимного центра», сформулированная В.Г. Бортневским в середине 1990-х гг. на основе материалов Бахметевского архива и с тех пор неоднократно повторяемая в других исследованиях, зачастую некритически. К сожалению, Бортневский, ознакомившийся с делами Бахметевского архива, ничего не знал о других материалах по теме, поэтому его версия, основанная на введенных им в научный оборот нескольких источниках из одного-единственного архивохранилища, пусть и чрезвычайно важных, оказалась во многом односторонней. Несмотря на то, что статья Бортневского стала важнейшей вехой в изучении темы, из-за нее в историографии закрепились некоторые ошибочные утверждения — например, о том, что лидером «Анонимного центра» был генерал Н.С. Батюшин, который, на наш взгляд, вообще не имел никакого отношения к данной конспиративной организации (подробные аргументы в пользу этой версии будут приведены в одной из последующих глав).

Эти ошибочные утверждения стали время от времени повторяться и в работах других исследователей — со ссылкой на статью Бортневского. Так, например, в примечаниях к сборнику «Русская военная эмиграция» говорилось, что «во главе тайной организации “Анонимный центр” <...> стоял генерал Н.С. Батюшин. В нее входили видные деятели Белого движения на Юге России: А.М. Драгомиров, А.П. Кутепов, Я.А. Слещев, В.З. Май-Маевский, В.Г. Орлов и другие. Среди них был и генерал П.Н. Врангель»¹¹. Еще в одной статье утверждается, что П.Н. Врангель состоял в «опозиционной главнокомандующему организации “Анонимный центр”»¹¹¹.

Упоминания «Анонимного центра», основанные на статье Бортневского, имеются в книгах В.Г. Черкасова-Георгиевского^{IV}, Б.В. Соколова^V, А.В. Ганина^{VI}, М.В. Владимирского^{VII}. Исследователь белых спецслужб Н.С. Кирмель, также пересказавший в своей книге основные выводы Бортневского, очевидно, отнесся ко всей этой истории про «монархический заговор» достаточно скептически и заметил, что «данную версию трудно оспорить или подтвердить, поскольку в отечественных государственных архивах документов по данному вопросу» ему обнаружить не удалось^{VIII}.

¹ Бортневский В.Г. Белая разведка и контрразведка на Юге России во время Гражданской войны // Отечественная история. 1995. № 5. С. 97–98. Также см.: *Он же*. Разведка и контрразведка Белого Юга (1917–1920 гг.) // *Он же*. Избранные труды / отв. ред., сост. А.В. Терещук. СПб., 1999. С. 299–302.

¹¹ Примечания // Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов. Документы и материалы. Т. 1. Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн. 1 / отв. составитель И.И. Басик. Исход. М., 1998. С. 391–392.

¹¹¹ Напр., см.: Галас М.Л. Модели государственного строя России в концепциях представителей белоэмигрантских организаций // Федерализм. 2008. № 2 (5). С. 193.

^{IV} Черкасов-Георгиевский В.Г. Генерал Петр Николаевич Врангель. Последний рыцарь Российской империи. М., 2004. С. 299–300.

^V Соколов Б.В. Врангель. М., 2009. С. 231–232.

^{VI} Ганин А.В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018. С. 359–360.

^{VII} Владимирский М.В. Белый деникинский Крым: Июнь 1919 — март 1920. М., 2019. С. 225–226.

^{VIII} Кирмель Н.С. Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне. 1918–1922 гг. М., 2008. С. 387–388; *Он же*. Спецслужбы Белого движения. 1918–1922. Контрразведка. М., 2013. С. 218.

Несмотря на это, кое-какие материалы про «Анонимный центр» имеются и в российских архивохранилищах, правда, посвящены они не столько «заговору», сколько другим аспектам деятельности этой тайной организации.

В 1995 г. ярославский исследователь В.П. Федюк, являющийся первопроходцем в изучении многих аспектов истории Белого движения, в своей докторской диссертации посвятил несколько страниц интересующей нас теме. Опираясь на хранящуюся в ГА РФ рукопись Д.Б. Бологовского (про нее читайте ниже), он сообщил об «ультра-правой организации» «Анонимный центр», строго законспирированной, в отличие от других монархических групп, и действовавшей в глубокой тайне. В диссертации названы имена трех добровольческих генералов, вошедших в «Анонимный центр», а также рассказано о существовавшей при нем «боевой дружине». Федюк сравнивает убийство Н.С. Рябовола с террористическими акциями эсеров и отмечает, что «белые террористы были в большей мере дилетантами и посему их деятельности сопутствовал оттенок авантюры». В диссертации упоминается и задумка убить Керенского, якобы приехавшего в Тифлис, на что автор справедливо замечает, что «Керенский в то время находился в Англии и в Тифлис приезжать не собирался, но боевикам из «Анонимного центра» и в голову не пришло навести по этому поводу более точные справки»¹. Несомненно, диссертация Федюка стала важной вехой в изучении как «Анонимного центра», так и всего Белого движения на Юге России. Несмотря на это, в ней (а точнее, в интересующем нас сюжете) есть небольшие неточности. Федюк пишет, что Рябовол был убит «Анонимным центром», хотя в действительности эта группировка окончательно сформируется и обретет название лишь несколько недель спустя после теракта. Также, на наш взгляд, не совсем верно говорить, что видный деятель Белого движения А.Г. Шапрон дю Ларре был членом «Анонимного центра» — в данном случае речь должна идти скорее не о «членстве», а о взаимодействии и сотрудничестве.

В 2008 г. была опубликована статья московского историка В.Ж. Цветкова, который не только пересказал статью Бортневского, но и ввел в научный оборот новые материалы про «Анонимный центр». Основываясь на рукописях того же Д. Б. Бологовского и Н. Ф. Сигиды, Цветков рассматривает историю контрразведки отряда М.Г. Дроздовского и характеризует «Анонимный центр» как еще одну «самочинную» спецслужбу. Автор, справедливо считая свидетельства Бологовского об «Анонимном центре» более реальными, чем информацию, приведенную в статье Бортневского, впервые вводит в научный оборот фамилии еще трех лидеров «Центра», не упомянутые в диссертации Федюка¹. Описав террористическую деятельность «самочинных» спецслужб, он делает вывод, что «произвол и беззаконие “белого террора” нельзя оправдать какими-либо “благими намерениями”, идеями “восстановления монархии”, “возрождения Великой России”», а также допускает возможность внедрения в эти «самочинные» структуры сотрудников армейской разведки

¹ Федюк В.П. Белое движение на Юге России 1917–1920 гг. Дисс. на соиск. уч. ст. д.и.н. Ярославль, 1995. С. 427–430. Также см.: Он же. Кубань и Добровольческая армия: истоки и сущность конфликта // Гражданская война в России. События, мнения оценки. Памяти Ю.И. Кораблева / науч. ред. Н.А. Ивницкий. М., 2002. С. 402–403.

² Цветков В.Ж. Возникновение и деятельность «самочинных» структур контрразведки на белом Юге России в 1918–1920 гг. // Исторические чтения на Лубянке. 2007 год. М., 2008. С. 55–60.

РККА: «В таком случае убийства известных политиков и военных не только способствовали “расколу” Белого движения, но и достигали своей непосредственной цели — ликвидации противников советской власти»¹. Необходимо также отметить, что в статье Цветкова, несмотря на всю ее значимость, также содержится ряд неточностей: лидеры «Анонимного центра» А.Н. (а не В. А.) Варламов и Н. П. Измайлов не были генералами, М.С. Комиссаров генералом был, но он не переходил на службу в РККА, хотя и сотрудничал впоследствии с советскими спецслужбами, а ротмистр-дроздовец Бехтеев и известный поэт-монархист Бехтеев — это два совершенно разных человека.

Таким образом, хотя за последние 25 лет и появились новые материалы, в которых рассматривается или хотя бы упоминается «Анонимный центр», деятельность этой тайной организации и сегодня является «белым пятном» в историографии Гражданской войны.

* * *

Основным источником, без которого изучение «Анонимного центра» было бы чрезвычайно затруднено, а может быть, и вообще невозможно, являются неопубликованные воспоминания ротмистра Дмитрия Борисовича Бологовского, имеющие весьма незатейливое название — «Записки Димитрия Бологовского».

Об авторе записок, который и был одним из главных деятелей «правого подполья» на белом Юге России, известно не так уж много. Для начала надо остановиться на его фамилии, так как от источника к источнику ее написание разнится: Бологовской, Бологовский, Болговский, Болховский и т. д. В принципе, и первый и второй варианты являются правильными, оба они присутствуют в официальных документах. Но, исходя из того, что сам Дмитрий Борисович подписывался как Бологовской, мы будем использовать именно этот вариант, в цитатах же оставим имеющееся написание.

Дмитрий Борисович Бологовской, происходивший из потомственных дворян Тамбовской губернии¹, родился, по всей видимости, в Санкт-Петербурге в 1894 г. В своих записках он упоминал, что был внуком (по матери) бывшего начальника дворцовой полиции генерал-лейтенанта Е.Н. Ширинкина. Правда, в послужном списке Ширинкина за 1906 г. нам не удалось обнаружить матери Бологовского, там упомянут только сын Ширинкина Евгений. Впрочем, сам Ширинкин был женат на вдове поручика Лисаневича Елизавете Николаевне, и нельзя исключать, что мать Бологовского была дочерью не самого Ширинкина, а его жены от первого брака (таким образом, генерал Ширинкин мог быть вторым мужем бабушки Дмитрия). Или, как вариант, мать Бологовского могла умереть к 1906 г., почему и не была отображена в послужном списке своего отца. Впрочем, важнее то, что Ширинкин происходил из дворян Воронежской губернии и воспитывался в местном Михайловском кадетском корпусе². Дмитрий Бологовской, очевидно, в молодости много времени проводивший у родственников в Воронежской губернии, обучался в том же самом воронежском

¹ Цветков В. Ж. Возникновение и деятельность «самочинных» структур контрразведки на белом Юге России в 1918–1920 гг. С. 63.

² РГВИА. Ф. 725. Оп. 53. Д. 3916. Л. 213.

³ РГИА. Ф. 1284. 1906 г. Оп. 73. Д. 143. Л. 8 об., 13 об.

Михайловском кадетском корпусе — в списке «стипендиатов и пансионеров разных лиц и учреждений» он отмечен как «штатный стипендиат»¹ (к сожалению, его личное кадетское дело не сохранилось^{II}).

В 1911 г. Дмитрий поступил в Михайловское артиллерийское училище (МАУ). Личное дело юнкера Бологовского также не сохранилось, но отдельные упоминания о его учебе найти можно. Так, например, есть датированный 23 апреля 1914 г. список юнкеров 2-й батареи МАУ, которые могут быть удостоены звания отличных стрелков. Среди других в нем упомянут и юнкер старшего класса Бологовской, который, стреляя из револьвера, попал в мишень 18 раз при 21 попытке^{III}. Сохранились также экзаменационные списки за 1913–1914-й учебный год, согласно которым Бологовской получил 193 балла (средний балл — 10,16). Это позволило ему окончить МАУ 87-м из 133 человек, обучавшихся на курсе^{IV}, — результат, надо сказать, не самый блестящий.

Высочайшим приказом по военно-учебным заведениям от 12 июля 1914 г. Дмитрий Бологовской был произведен в подпоручики (со старшинством с 12 августа 1912 г.) и определен в 9-ю Сибирскую стрелковую артиллерийскую бригаду^V. Неделю спустя после его производства началась Первая мировая война, и молодой офицер отправился на фронт. 23 июля 1915 г. Бологовской был ранен в правую руку у села Стенятин^{VI}. До ранения он числился в 3-м Сибирском горном артиллерийском дивизионе, затем перешел в 25-й пулеметный автомобильный взвод. 20 апреля 1916 г. Высочайшим приказом был награжден орденом Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость» (Аннинским оружием)^{VII}, 13 июля 1916 г. — орденом Св. Станислава III степени с мечами и бантом^{VIII}, 19 июля 1916 г. — орденом Св. Анны III степени с мечами и бантом^{IX}, 10 октября 1916 г. — орденом Св. Анны II степени с мечами^X.

В ноябре 1917 г. Бологовской, произведенный к этому времени в капитаны (летом 1918 г., перейдя в кавалерию, он будет переименован в ротмистры), вступает в тайную офицерскую организацию в Яссах, и именно с этого момента начинается его

активная террористическая деятельность. Позднее, летом 1919 г., его организация войдет в подчинение «Анонимному центру».

К сожалению, информации о жизни Бологовского в эмиграции — после окончания Гражданской войны он перебрался в Болгарию — сохранилось чрезвычайно мало. Наши попытки найти его фотографию также пока что ни к чему не привели. В начале 1923 г. болгарский агент ГПУ обещал достать его фото^I, но или не смог этого сделать, или карточка где-то затерялась — по крайней мере, на запрос в Центральный архив ФСБ был дан ответ, что искомой фотографии у них нет^{II}.

В середине 1920-х гг. Бологовской пишет свои воспоминания о бурных годах Гражданской войны. Если бы не эти мемуары, наше представление об «Анонимном центре» было бы самым приблизительным. По большому счету, именно рукопись Бологовского называет имена террористов, связанных с самыми громкими политическими убийствами тех лет, она же позволяет соединить отдельные пазлы в единую картину, показывающую нам деятельность тайных монархических организаций белого Юга России.

* * *

В 1923 г. при библиотеке культурно-просветительного отдела пражского Земско-городского комитета (Земгора) был основан Архив русской эмиграции, год спустя переименованный в Русский заграничный исторический архив (РЗИА)^{III}. Пользуясь солидной поддержкой чехословацких властей, РЗИА приступил к сбору печатных изданий и документов, связанных с историей революционного движения в России, Первой мировой войны, Гражданской войны и русской эмиграции. Несмотря на то, что основные деятели РЗИА принадлежали к левым течениям (в первую очередь, к эсеровской партии), архив как учреждение декларировал свою полную аполитичность. Агенты РЗИА, жившие в разных странах, приютивших русских эмигрантов, искали нужные архиву газеты, журналы, листовки, официальные документы и мемуары участников событий, вступали в переговоры с их владельцами и затем, в случае успеха этих переговоров, пересылали материалы в Прагу, где эксперты РЗИА принимали решение об их приобретении. В случае с газетами все было просто: архив заказывал нужные номера, агенты искали их, покупали и отправляли своему начальству. Сложнее было с мемуарами: определить их ценность агенты на местах зачастую не могли, нужно было проводить экспертизу. Авторы же не хотели отправлять свои произведения наудачу в Прагу, требуя гарантий приобретения и предоплаты. Все это приводило к многочисленным коллизиям, отразившимся в переписке руководства архива и его местных агентов.

Агентом РЗИА в Болгарии в 1924 г. стал Никита Иванович Мандрыка — украинский эсер, деятель кооперативного движения, в прошлом член Центральной рады и депутат Всероссийского Учредительного собрания. Бежав в 1918 г. с оккупированной немцами Украины на Кубань, Мандрыка вращался в местных казачьих кругах,

^I Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века: Документы и материалы. Т. 5: Раскол: 1924–1925 гг. / рук. сост. И.И. Басик. М., 2010. С. 512.

^{II} Ответ на обращение в ЦА ФСБ № 10/А/Ч-4236 от 25.10.2019 // Личный архив автора.

^{III} Павлова Т.Ф. Предисловие // Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. М., 1999. С. 5.

^I РГВИА. Ф. 725. Оп. 53. Д. 3916. Л. 213.

^{II} Ответ на обращение в Государственный архив Воронежской области № Г-1351 от 24.09.2019 // Личный архив автора.

^{III} РГВИА. Ф. 310. Оп. 1. Д. 6541. Л. 50–51.

^{IV} РГВИА. Ф. 310. Оп. 1. Д. 4635. Л. 127–128. По отдельным предметам Бологовской получил следующие баллы (максимально возможный балл за предмет — 12): артиллерия (техническая часть) — 10, артиллерия (материальная часть) — 11, дифференциальное исчисление — 10, интегральное исчисление — 10, аналитическая геометрия — 9, механика — 10, фортификация — 9, тактика — 10, история русской армии — 12, топография — 9, администрация — 10, законоведение — 11, артиллерийское черчение — 11, физика — 9, химия — 10, Закон Божий — 11, русский язык — 11, французский язык — 10, немецкий язык — 10.

^V Высочайший приказ по военно-учебным заведениям июля 12-го дня 1914 года. С. 48.

^{VI} РГВИА. Карточка бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Ящик 7432-Б. Карточка на Бологовского Д.Б.; Ф. 16196. Оп. 1. Д. 1190. Л. 17.

^{VII} РГВИА. Ф. Печатные издания. Д. 14830. Л. 529.

^{VIII} РГВИА. Ф. Печатные издания. Д. 14833. Л. 284.

^{IX} Там же. Л. 418 об.

^X РГВИА. Ф. Печатные издания. Д. 14844. Л. 237 об.